

ВЕРНОСТЬ

МЕЧТЕ

Судьба Юрия Пономарева — солиста Челябинского театра оперы и балета имени М. И. Глинки похожа на многие артистические судьбы. Ее вполне можно назвать счастливой. Ведь на оперной сцене Юрий сравнительно недавно, а в челябинском театре только второй сезон. Но уже спеты такие сложные и ответственные партии, как Ричард в опере Дж. Верди «Бал-маскарад», Каварадосси в опере «Флория Тоска» Дж. Пуччини, Хозе в опере Ж. Бизе «Кармен», Баринкай в «Цыганском бароне» И. Штрауса. Впрочем, когда видишь Юрия Пономарева на сцене впервые, такое богатство репертуара у молодого солиста не кажется странным: хорошая внешность, приятно тембра и широкого диапазона тенор. Но если перелистать страницы творческой биографии Юрия, то многое в его жизни покажется не столь простым и до конца разъясненным, а сам путь к признанию не столь уж легким.

Вместе с гитарными переборами и звуками мандолины с детства вошла музыка в жизнь Юрия. Играл отец, а Юра впитывал нежные звуки, тающие в сумерках долгих зимних сибирских вечеров. В Тюмени, где прошли его детство и юность, оперного театра не было, поэтому Юрий долго даже не представлял себе такой сложный творческий организм, как театр, и не мечтал о сцене, просто хотел петь.

Купаясь вместе с мальчишками в реке Туре, что проходит через родной город и теряется в седых водах могучего Иртыша, невольно замирал перед

красотой родившейся неподалеку песни, перед миром гармонии, который познавал и с удивлением открывал для себя. Сказочный и, как казалось, несбыточной мечтой для него было научиться играть на фортепьяно. Пел он мало, неохотно и робко: стеснялся ломкого голоса и завидовал своему приятелю, который любил петь и охотно соглашался на все просьбы, исполняя русские народные песни.

Впервые в оперный театр Юра попал, когда ему было 19 лет. То, что он увидел и услышал, потрясло и очаровало. Грандиозные массовые сцены, сверкающие одежды, волшебный мир музыки, в котором человеческий голос был «первой скрипкой». Он слушал «Бориса Годунова» в Москве, в Большом театре. Впечатление было настолько сильное, что осталось в памяти на долгие годы. Но, как это ни странно, путь на сцену стал еще более неосуществимым: слишком глубокий жизненный водораздел разделял студента Тюменского индустриального института и тех, кто так виртуозно владел своим голосом на сцене. Но не петь он уже не мог: это стало потребностью. Пусть на самодеятельной сцене, но пел.

Шли годы. С ними накапливался опыт певца, пополнялся репертуар оперными ариями. Когда Юрий решил пересту-

пить порог Свердловской консерватории, то для прослушивания у него уже были подготовлены сложнейшие ариозо Германа из «Пиковой дамы», ария Радомеса из «Аиды», ария Хозе из оперы «Кармен». Ариозо Германа он спел на третьем туре приемных экзаменов, заставив многих членов комиссии поразиться смелости выбора и уровню исполнения. Казалось бы, теперь дорога на профессиональную сцену открыта, но в жизни Юрия далеко не все складывалось столь удачно, как на экзаменах. Неожиданно он серьезно заболел. Больше месяца изо дня в день, борясь с болезнью, делая каждое утро зарядку, преодолевая сильнейшую боль (у него был невроз мышц), он отстаивал свое право петь. И победил.

А позже начался поиск «своего» театра. Юрий прослушивался в разных коллективах, порой очень удачно, порой ме-

нее (сказывалось отсутствие сценического опыта), получал высокие оценки и лестные отзывы, но работа не складывалась. И лишь с переездом в Челябинск почувствовал, как органично вошел в коллектив нужным художественным компонентом, испытал на себе ту творческую отдачу, которую приносит артисту «свой» театр, который певцу найти далеко не просто.

В Челябинске художественное руководство сразу же доверило молодому солисту партию Хозе в опере Ж. Бизе «Кармен». Успешно прошли премьеры, гастроль по Сибири и Кузбассу. Новый коллектив подкупал творческой атмосферой, прекрасной театральной базой, здесь много подлинных мастеров оперной сцены, у которых можно поучиться бережному отношению к голосу, тонкому восприятию музыки. Это прежде всего наставники певца главный дирижер театра В. Васильев, режиссер Г. Миллер. Юрий глубоко убежден, что помогает в работе то чувство ответственности перед зрителем, которое никогда не покидает исполнителя ни перед одним спектаклем, состоялся ли он на стационаре, на гастрольях в другом городе или при выезде в один из сельских клубов.

Многое в отношении Юрия Пономарева к творчеству проявляется в разговоре об искусстве оперного певца.

— Юрий, как вы определяете такое ощущение, как хорошее сценическое самочувствие?

Он становится очень серьезным, поправляет очки (в жизни Юрий совсем не похож на стремительного и порывистого Каварадосси, а скорее на очень занятого, озабоченного предстоящей сессией студента физмата).

— Сценическое самочувствие для меня как певца определяется состоянием голоса. Судите сами: в драматическом театре, если даже актер закашляется слегка во время диало-

га или, чуть застудив связки, говорит с хрипотцой, — все это не помешает, а порой даже придаст жизненности. У нас, у солистов оперы, голос — тот же музыкальный инструмент, который должен быть всегда чист по тону и безукоризненно настроен. Это раз. Второе условие хорошего самочувствия — дружеское отношение к тебе партнера по сцене. Вы не улыбаетесь. Он должен по-хорошему, по-доброму к тебе относиться. Если у партнера или партнерши плохое настроение и они не могут с ним справиться, петь трудно и самочувствие никуда. И, конечно, третье — зритель. Он должен тебя понять, поверить тебе. И если это происходит, то тогда и возникает та неповторимая творческая свобода, которую я назвал бы хорошим сценическим самочувствием.

Когда смотришь спектакль «Флория Тоска», где главные партии Каварадосси, Тоски и барона Скарпи поют Юрий Пономарев, Нина Абт-Нейферт и Юрий Горбунов, то действительно ощущаешь ту свободу и яркость сценической жизни, которой живут исполнители. Прекрасные вокальные данные, темперамент, драматические способности отличают партнеров Юрия, помогают ему создать романтический и мужественный облик художника, преданного трем идеалам: своей любви, творчеству и борьбе с несправедливостью. Знаменитая ария Каварадосси из третьего действия, в которой художник перед смертью вспоминает о счастливых днях любви, звучит в исполнении Юрия Пономарева убедительно, на сдерживаемом глубоким внутренним волнением.

И еще одна творческая позиция солиста, без которой невозможно представить Ю. Пономарева в работе над новой партией.

— Какой вид искусства, Юрий, вы бы поставили на второе место после оперы?

— Очень трудно ответить. Пожалуй, кино. Я люблю многих киноактеров и особенно И. Смоктуновского. Естественно, что и драматический театр. Вы, кстати, обращали когда-нибудь внимание на то, что у всех прекрасных драматических актеров очень яркие и своеобразные голоса: Качалов, Мордвинов, неповторимы интонации у Смоктуновского, и тембр совершенно особенный.

Работы впереди у Юрия много. Сейчас, на гастрольях, он разучивает партию Богдана Собинина из «Ивана Сусанина» М. Глинки.

Отличает Юрия Пономарева и органическое слияние драматических способностей с вокальной техникой. Это сочетание позволяет каждую новую роль насыщать подлинной жизненностью, рождает глубину сценических характеров.

И все же сам Юрий отлично понимает, что работать над совершенствованием мастера нужно еще много. Сценический опыт не восполнишь никакими способностями. Поэту при первом знакомстве он может показаться даже несколько суховатым человеком, сосредоточенным на сугубо профессиональных вопросах. Даже в свободное от работы время, когда после репетиции или спектакля он приходит домой, лучшим отдыхом становится прослушивание пластинок с голосами великих оперных певцов прошлого и современности.

Что это? Односторонность? Нет, безраздельная верность профессии.

В. САДЧИКОВ,
кандидат искусствоведения.
Пенза.

На снимке: Ю. Пономарев (Каварадосси) и Н. Абт-Нейферт (Флория) в спектакле «Флория Тоска».

Фото В. Шаталова и Б. Голубева.